

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: КОНСЕНСУС ПРОШЛОГО И ДИЛЕММЫ БУДУЩЕГО

Прошедший исторический период внешне напоминает некое движение без вектора. Согласитесь, большинство значимых военно-политических событий выглядят разнонаправленно и как-то хаотично. Стабилизации ситуации в Ираке (хотя Муктада ас-Садр и показал американцам, что дело не *Аль-Каиде*, а в том, что слабая и безвольная власть в Ираке невозможна в принципе). Явное и в определенном смысле – немотивированное замедление *маховика* американской военной кампании против Ирана. Становящийся все более очевидным кризис западноевропейских экономических и политических институтов, который прикрывается все более напыщенными, почти как в брежневском Советском Союзе, рапортами о *грандиозных успехах*. Явный тупик в переговорах по ПРО. Действительно, все основные военно-политические события прошедших нескольких месяцев выглядят как-то хаотично, иногда почти бессмысленно. Однако это суждение справедливо только при поверхностном взгляде на ситуацию.

ДВИЖЕНИЕ БЕЗ ВЕКТОРА И БОРЬБА ЗА РЕСУРСЫ

Будет верным сказать, что события в военно-политической сфере, в сфере безопасности стали только внешним и не всегда логичным проявлением глубинных тенденций в развитии международных отношений. Это всегда было так, но в последние три-четыре месяца *надстроечный* характер военно-политической проблематики стал совершен но очевиден. Хаотические события на *военно-политическом фронте* оказываются вторичными на фоне иных, геополитических и геоэкономических процессов, которые обозначились за последнее время. Конечно, большинство этих событий не нашло пока, а может быть, не найдет никогда военно-политического выражения, однако именно они будут определять характер действий государств на мировой арене.

И с этой точки зрения системообразующими событиями прошедшего квартала стали именно события в сфере энергоресурсов. Они не просто подтверждают все возрастающую важность энергоресурсов для мировой политики, но и демонстрируют начало реструктуризации глобального углеводородного и в целом энергетического рынка, которое стало определять глобальные военно-политические процессы. Все остальные события и заявления последнего времени – не более чем фон для данного глобального по значимости процесса.

Можно предположить, что созданная с большим трудом в период холодной войны и в первые постбиполярные годы система обеспечения мировой экономики энергетическими ресурсами если не начинает разваливаться, то уж точно выработала окончательно свой потенциал. Иными словами, в сегодняшней парадигме углеводородной энергетики более невозможно обеспечивать устойчивый экономический рост, а значит, и глобальную стабильность. Начавшийся мировой финансовый кризис, который, возможно, и спровоцирован проблемами с ипотекой в США, но явно имеет под собой более мощное основание. И нельзя исключать, что этим основанием как раз и является кризис мировой энергетической системы.

Этот намечающийся кризис рано или поздно прорвется на поверхность и заставит политические и экономические элиты промышленно развитых стран искать выход из энергетического тупика. И, вероятно, поиски его будут происходить, в том числе, в военно-политической сфере. Поэтому главными событиями в сфере глобальной без опасности за последнее время следует считать то, что происходило за пределами этой сферы. Все крупные игроки в системе глобальной политики (которые являются в силу

понятных причин крупнейшими игроками в сфере глобальной экономики) начинают готовиться к эпохе относительно низких темпов экономического роста и абсолютной нехватки базовых природных ресурсов, прежде всего энергетических. И это будет существенно иная система международных отношений, нежели раньше.

Кончено, можно предположить, что в Европе, США и даже в Китае в одночасье наступит прозрение и все повернутся лицом к концепции *устойчивого развития*, провозгласив умеренность в потреблении ресурсов, прежде всего энергетических и ограничение агрессивного консьюмеризма. Однако вряд ли этому суждено сбыться. Вероятнее всего, не будучи способными и готовыми менять парадигму экономического развития, наши партнеры из промышленно развитых государств пойдут по внешне более легкому пути: они попытаются сменить парадигму получения энергетических ресурсов. А это означает, что роль военной силы в международных отношениях, в том числе в международных экономических отношениях, в обозримой перспективе будет только расти.

Вероятно, первоначально борьба за углеводороды развернется на периферии мирового пространства, где достаточно подобных точек, которые были успешно *забыты* (или сильные мира сего просто сделали вид, что *забыли* про их существование) в годы относительного углеводородного благополучия. Это и нефтяные поля в районе островов Спратли, это и шельф Берингова моря, это и арктическая зона, это и месторождения внутри африканского континента. То есть развернуться *великим державам* есть где, и в этом смысле современный мир дает много возможностей для государственной самореализации и преодоления национальных комплексов неполноценности.

Только вот чем же в таком случае современный мир будет отличаться от мира позднеколониальной эпохи, заката XIX в., когда африканскими рабами уже перестали торговать, но считать представителей других рас за равных еще не начали? Когда великие державы рассматривали развивающийся мир преимущественно как источник сырья и еще не помышляли о вывозе капитала и его частичной индустриализации и модернизации? Выходит, что с геополитической точки зрения, с точки зрения развития мировой экономики и международных отношений, последние сто лет с двумя мировыми войнами, коммунизмом, *новым курсом* Рузвельта, либерализмом, прочей идеологической экзотикой вроде еврокоммунизма для человечества, вернее, для его европейской части, прошли зря?

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЯДЕРНЫЙ РЕНЕССАНС КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР

При всей мрачности углеводородного настоящего нельзя говорить, что с точки зрения энергетической ситуации у мира такое же мрачное будущее. Именно сейчас в глобальной энергетике начинается практическая реализация того, что несколько лет назад было названо глобальным *ядерным ренессансом*. Но тогда эта была всего лишь идея, если хотите – мечта о выходе из углеводородного тупика. Теперь эта мечта обретает реальные очертания. И в значимых для мировой экономики странах – США, Великобритании, Китае, Индии, и в регионах, стремящихся к *догоняющей* промышленной модернизации, например, в Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке, начинается практическая реализация программ по развитию мирной атомной энергетики.

Для России развитие атомной энергетики – это не просто вопрос создания базы для постоянного экономического и, прежде всего, промышленного роста, но вопрос обеспечения геополитического статуса и энергетической безопасности. Геополитического статуса – потому что наша страна обладает всеми возможностями и ресурсами для того, чтобы стать лидером глобального *ядерного ренессанса*. И главным из этих ресурсов является опыт строительства атомных энергоблоков высочайшего качества на различных

по типу и региону площадках. Этим мало кто из конкурентов вновь созданной государственной корпорации *Росатом* сейчас может похвастаться. Это лидерство – дорогого стоит, ибо при всех успехах российской экономики не так много (если вообще есть) отраслей высоких технологий, где нашу страну признают лидером и где наши компании по-настоящему опасаются иметь в конкурентах.

Однако дело в данном случае состоит не только в удовлетворении государственных амбиций. Глобальный *ядерный ренессанс*, если обеспечить решение вопросов нераспространения ядерного оружия и опасных технологий, а также укрепить ядерную безопасность, может существенно изменить контекст, в котором развивается современное ресурсное противоборство. Иными словами, снижение потребностей в классических углеводородах может – в случае если оно будет дополнено соответствующими многосторонними договоренностями, гарантирующими недискриминационный характер режима по доступу к гражданской атомной энергетике – существенно укрепить международную стабильность. А как минимум – смягчить остроту ресурсного противоборства.

Хотя развитие атомной энергетике действительно в обозримой перспективе может стать фактором глобального значения, нельзя сказать, чтобы ситуация выглядела беспроблемной. Можно выделить три вопроса, которые пока выглядят не до конца решенными и которые могут существенно усложнить реализацию мечты о *глобальном ядерном ренессансе*.

Прежде всего, встает вопрос о том, на какой технологической платформе развивается современная атомная энергетика. По сути дела, все имеющиеся ядерные энергетические установки, и строящиеся серийно, и якобы *перспективные*, являются продуктом технологического рывка второй половины 1960-х – 1970-х гг. Конечно, они высоконадежны и эффективны, они, что называется, *референтны*, то есть имеют определенный опыт эксплуатации. Но, тем не менее, это – техника XX, а не XXI в., хотя и доведенная – особенно в России – до совершенства. Данное печальное обстоятельство объясняется не только *провалом* в развитии атомных технологий, который произошел после Чернобыльской аварии, но и отсутствием должного опыта международного сотрудничества в сфере атомной энергетике. И если в период холодной войны это объяснялось закрытостью и военизованностью отрасли, то теперь в дело вступает такой фактор как нарастание коммерческой конкуренции. В результате, большая часть уже анонсированных международных проектов по развитию атомной энергетике оказалась к сегодняшнему моменту в застое, а новые инициативы, даже такая прорывная идея, как Международный центр по обогащению урана, воспринимаются с большой настороженностью. Это обстоятельство должно быть, безусловно, преодолено, если мы хотим, чтобы глобальный *ядерный ренессанс* был явлением не только количественным, но и качественным.

Во-вторых, жизнь учит относиться к атомной энергетике с величайшей ответственностью. Можно на теоретическом уровне доказывать, что масштабы Чернобыльской трагедии преувеличены и что в действительности ничего страшного не произошло, но эти попытки выглядят не очень убедительно. Все мы – и в России, и за ее пределами – должны понимать, что *каждая кухарка* не может управлять атомной электростанцией или предприятием ядерного топливного цикла. И с этой точки зрения встает закономерный вопрос а на какой кадровой базе будет развиваться глобальный *ядерный ренессанс*, причем не только и не столько в России, где при всех издержках уровень технической грамотности сохранился, но и в других странах? Как мировое сообщество сможет обеспечить компетентность и ответственность пользователя достижений в сфере атомной

энергетики? Думается, одних только мер по внедрению где только возможно технических механизмов *защиты от дурака* будет явно недостаточно. Нужно формирование нового понимания ответственности пользователя.

В-третьих, новая ситуация с точки зрения развития атомной энергетики и связанных с нею производств и технологий ставит вопрос о необходимости нового прочтения положений экспортного контроля, особенно в том, что касается возможностей накопления технологий и материалов. Очевидно, что в ближайшем будущем оборот ядерных материалов и технологий будет только увеличиваться. И это будет одновременно расширять спектр экономических возможностей, но и увеличивать число внешнеполитических рисков. И с этой точки зрения необходима выработка нового понимания, если хотите – но вой идеологии экспортного контроля, которая бы снимала хотя бы частично новые риски, но не ограничивала бы чрезмерно возможности коммерческого оборота ядерных материалов и технологий. Диалог по такому кругу вопросов надо начинать уже сейчас, а не тогда, когда проблема встанет в полный рост и начнется неконтролируемое движение технологий, материалов, оборудования и носителей знаний.

Наконец, нельзя не отметить вопросы, связанные с утилизацией отработанного ядерного топлива (ОЯТ). Ведь если происходит существенная активизация атомной энергетики с точки зрения потребления уранового сырья, то с неизбежностью восхода солнца происходит существенное расширение такой суботрасли ядерной энергетики как утилизация ОЯТ. И активизацию эту мы почувствуем уже очень скоро, по мере того, как принятые в ряде стран политические решения о развитии атомной энергетики начнут трансформироваться в практические действия. Однако на сегодняшний день *прорывов* - технологических и организационных по части не наблюдается и вряд ли их стоит ожидать в ближайшее время, хотя в свое время в российской атомной отрасли были весьма интересные наработки, которые, однако, были похоронены под лавиной отдававших дешевой коммерцией предложений сделать из России хранилище ОЯТ. Это хорошо, что авторы этих идей в настоящее время удалены из атомной отрасли и не только из нее. Однако с *грязной водой* нельзя выливать ребенка, то есть возможность предложить миру новые методы и технологии утилизации ОЯТ и в целом, - радиоактивных материалов. Без этого говорить о глобальном *ядерном ренессансе* было бы преждевременным.

Наверное, когда говорят, что Россия должна развивать атомную энергетику для того, чтобы избежать энергетического кризиса и замедления развития промышленности, это не совсем справедливо. В конечном счете, внедрением энергосберегающих технологий и альтернативных, возобновляемых источников энергии Россия может в течение ближайших лет успешно сдерживать нарастание энергодефицита. И это будет даже не сколько дешевле, нежели развитие атомной энергетики, особенно с учетом затрат на обеспечение безопасности и высокого экологического стандарта. Россия должна развивать атомную энергетику для того, чтобы оставаться государством, реально присутствующим на рынках высоких технологий. Ибо атомная энергетика и связанные с ней исследовательские сферы являются ключом к решению очень многих вопросов дальнейшего экономического и социального развития страны и присутствия ее в качестве влиятельной глобальной силы.

Ведь, в конечном счете, разница между понятиями *сырьевой придаток* и *энергетическая сверхдержава* заключается только в том, что *энергетическая сверхдержава* обладает новейшими энергетическими и околоэнергетическими технологиями, которые позволяют ей трансформировать свои запасы энергоносителей в индустриальную мощь. А без атомной энергетики это в современном мире становится принципиально невозможным.

КОСОВО КАК ЗЕРКАЛО ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Говоря о Косово, невольно ловишь себя на мысли: произошло ровно то, что должно было произойти, и никто не преподнес нам никаких сюрпризов. Независимость Косово была провозглашена так и тогда, как решили в Вашингтоне. ООН оказалась на обочине процесса. Сербьы протестуют, но, что называется, *без души*, стремясь заработать на имидже *обиженных* дополнительные дивиденды для вступления в ЕС. Единственные, кто вызывает изумление, – европейские политики, которые с восторгом создают у себя под боком будущий источник европейской нестабильности. Такое впечатление, что они в погоне за показной демократичностью и либеральностью утратили ту самую незримую *нить* внешнеполитических процессов, понимание и обладание которой обеспечивает выживание любого государства.

Поразительную пустоту европейской политики в контексте ситуации вокруг Косово обнаруживаешь, например, прочитав статью двух министров иностранных дел: Швеции Карла Бильдта и Франции Бернара Кушнера, которая по форме представляет собой письмо *сербским друзьям*. Два сиятельных европейских государственных мужа, претендующих на геополитический статус, даже не могут внятно объяснить *сербским друзьям*, зачем они поддержали политику США. Какие-то невнятные объяснения про то, что они предотвращают новую войну на Балканах, а сербам, если они смирятся, будет все, как в песне В.С. Высоцкого: «А за это, друг мой пьяный, говорил он Епифану.....». Поразительный пример геополитической наивности, если не сказать – незрелости. И дело тут не только в Косово – невнятность и незрелость современной Европы проявлялись и по другим вопросам, в частности, по пресловутому третьему позиционному району ПРО США. Но ситуация вокруг Косово, крайне ответственная и крайне долгосрочная, высветила эту невнятность и незрелость, а если хотите – геополитический инфантилизм современных европейских элит в полной мере и с предельной откровенностью. И с этой публикой кое-кто в России хотел выстраивать стратегическое партнерство?

Что удивительно в ситуации вокруг Косово, так это не недалёковидность европейских элит. Это было понятно еще тогда, когда США изящно втянули их в операцию в Афганистане, откуда, как выяснилось, выхода нет; а в принципе – и еще раньше, когда европейские политики предпочли расширение НАТО партнерству с Россией. Самое удивительное, с каким здоровым цинизмом, которому следует позавидовать и поучиться, Вашингтон продолжает *топить* в косовском *болоте* своих европейских союзников. Ведь решение в срочном порядке снять эмбарго на поставки вооружения в это балканское наркогосударство есть не только и не столько приглашение к большой войне на Балканах, сколько прямая угроза Европе. Ведь с учетом особенностей косоварской жизни и сферы приложения основных усилий косоварской диаспоры (всем известно, что косо вары в Европе работают далеко не только пианистами и скрипачами) поставленное в Косово с благоволения Джорджа Буша оружие очень скоро начнет постреливать в криминальных разборках в европейских городах.

Говорят, что Россия ситуацию вокруг Косово проиграла. В том смысле, что не смогла предотвратить провозглашение независимости наркоанклава и поддержать Сербию. Думается, при всех недостатках российская власть достаточно реалистично смотрит на окружающий мир, и таких задач она не ставила. Вряд ли целью вполне прагматично ведущего себя Кремля могла быть и помощь Сербии. Но целый ряд задач, которые через некоторое время окажутся весьма значимыми для международных отношений, российская дипломатия решить смогла.

Прежде всего, что бы там ни говорили американские лидеры и их европейские сателлиты, триумфального введения косовского наркогосударства в семью цивилизованных народов не получилось. Международная легитимность косоваров минимальна, поскольку значительная часть государств мира пока предпочла воспользоваться своим правом *воздержаться*. А это значит, что Москве удалось показать, что позиция Вашингтона, Берлина и Парижа, которые были локомотивами признания независимости косо варов, была неубедительна.

Но важно даже не это. Несмотря ни на что, выяснилось, что в мире неожиданно много государств, которые прислушиваются к голосу Москвы и разделяют ее озабоченности. Более того, даже к моему удивлению выяснилось, что не все в современной Европе полностью невменяемые. У многих европейских политиков, включая и находящихся у власти, хватило ума, мудрости, да и гражданской смелости, чтобы, несмотря на мракобесную по форме кампанию промывания мозгов в духе советского агитпропа, которая велась почти всеми европейскими СМИ, высказать свои опасения относительно того, чем закончится заигрывание с косоварскими наркоторговцами. И с этими людьми и политическими силами можно и нужно вести диалог в дальнейшем. Это те, кого в полной мере можно именовать вмменяемыми политическими силами в Европе. И уже то, что даже в современной Европе удалось найти партнеров, стоило того, чтобы наперекор всему *прогрессивному человечеству упереться* и защищать ту позицию, которую считаешь правильной.

Однако вместо того, чтобы *бежать впереди паровоза* и торопить Кремль с признанием грузинских автономий, было бы хорошо на секунду замереть и задуматься. Дело в том, что с признанием США и Европой Косово и возможными ответными действиями в отношении постсоветских непризнанных государств, то есть сломом прежних геополитических стереотипов, для России закончится постбеловежский период истории, когда Москва любой ценой старалась оттянуть перекройку постсоветского пространства. И дело не только в Южной Осетии, Абхазии и даже не в Приднестровье. Дело в десятках территорий, которые никоим образом не вписываются в структуру и характер создавшихся на территории советского гиганта государств. Дело в том, что Россия, сказав *А* в Абхазии и Южной Осетии, что естественно, понятно и приемлемо для российской элиты и общества, будет вынуждена говорить и *Б* применительно и к другим территориям. То есть для России признание Абхазии и Южной Осетии будет лишь первым шагом к более глубокой перекройке постсоветского пространства.

Вероятно, это уже неизбежно, как бы эти процессы ни хотели оттянуть в Кремле. Но эти процессы потребуют от России очень многого, причем не только в финансовом и силовом плане (тут, кстати, и выяснится, каковы же все-таки были результаты последних пя ти лет с точки зрения обороноспособности страны: есть ли реальные достижения, или это был всего лишь талантливый *пиар*). Это потребует нового уровня государственной мудрости, внешнеполитической изощренности и гражданской ответственности. Готовы ли наше общество и наша политическая элита к этому?

Напомню сюжет действительно талантливого голливудского фильма «Банды Нью-Йорка»: решение о призыве в армию Севера во время гражданской войны с Конфедерацией вызывает в городе бунты и погромы, в ходе которых ньюйоркцы линчуют и вешают негров, которых вроде бы собирались освободить.

И вот, поневоле, начинаешь думать – а не является ли стимулирование передела пост советского пространства еще одним американским мегапроектом? Они в Вашингтоне такие затейники....

РАСШИРЕНИЕ НАТО КАК КРИВОЕ ЗЕРКАЛО ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Свидетельством того, что Россия не зря противопоставила себя ведущим мировым державам в вопросе о Косово, является саммит НАТО в Бухаресте, на котором принималось решение о том, как в дальнейшем будет происходить процесс расширения НАТО. И нельзя не умилиться той благодистой картине, которая была нарисована натовскими пропагандистами и которую подпортил только американский президент Джордж Буш, сказавшей о «битве внутри НАТО». Эту фразу поспешили объявить очередным *бушизмом*, однако это явно не так. Просто Джордж Буш сказал то, о чем все в НАТО думают. Но не только – он показал, что именно США будут решать, когда и как заканчивать внутреннюю дискуссию о том, как развиваться Североатлантическому альянсу и что это время пришло. Показательно, что время заканчивать споры внутри НАТО пришло как раз к выборам в США.

Конечно, можно объявить это событие очередным проявлением американского неоимпериализма, однако не все так просто. Ведь в вопросе о расширении НАТО наши европейские партнеры еще более геополитически инфантильны, нежели в вопросе о статусе Косова. Руководство европейских стран уже и само не радо, что начало неконтролируемый процесс расширения НАТО. Судя по всему, процесс расширения ЕС на уровне руководства отдельных стран также восторга не вызывает, ибо оплачивается непосредственно из кармана граждан еще недавно социально благополучных Франции, Германии, Италии, однако ведет к сокращению их влияния в Евросоюзе. Раздражение наглостью и бесцеремонностью *новой Европы* уже стало политическим фактором в *старой* и вот-вот перейдет на бытовой уровень. И это не говоря уже о такой *мелочи*, как поступательное ухудшение отношений с Россией, приведшее европейцев вплотную к *точке невозврата* в отношениях с Москвой, что грозит вполне понятными и естественными экономическими последствиями. Понимание того, что Европа перестала управлять ситуацией, если хотите, своей судьбой, накануне бухарестского саммита НАТО уже откровенно проступило на лицах европейских политиков. Однако страны *старой Европы*, запустив вопреки многим предостережениям и процесс расширения НАТО, и процесс расширения ЕС, более того, сделав эти процессы сердцевинной, если не основной развития альянсов, оказались неспособными управлять ими.

И хотелось бы *старой Европе* притормозить, и уже лидеры этих стран начинают открыто говорить об этом, однако – безрезультатно. Нити управления процессами накрепко контролируются Вашингтоном и используются исключительно в интересах США. А интересы эти просты и понятны – предотвратить появление Европы как самостоятельного и самодостаточного геополитического игрока. И Вашингтон последовательно и достаточно жестко эту задачу решает, буквально заталкивая – как это, к примеру, было на бухарестском саммите НАТО по вопросу о приеме в Альянс Украины и Грузии – своих европейских партнеров в такую систему координат, где *старая Европа* окончательно потеряет минимальную свободу геополитического маневра. Ведь так кажется, что Евросоюз – это самодостаточное объединение государств. Отнюдь. Причем дело не только в энергетике, что очевидно, но и военном потенциале, доступе к транспортным коридорам, зависимости от американских финансов и азиатских рынков сбыта, в нарастающей внутренней неконкурентоспособности, которая уже начинает проявляться исподволь в кризисе от дельных пока крупных корпораций. И список факторов внутренней неконкурентоспособности современной Европы еще далеко не закрыт. Так, что предложение дополнительно к проблемам собственно Европы поссориться еще и с Москвой, которое, фактически, сделали Европе США на бухарестском саммите, очень своевременно.

Вероятно, лидерам в прошлом *великих европейских держав*, претендовавшим еще пол де

И вопрос не в том, что США так цинично ведут себя в отношении своих европейских партнеров – это, в конечном счете, только подтверждает серьезность США как игрока на мировой арене. Вопрос в том, что европейцы раз за разом ничего американцам не могут противопоставить.

О том, насколько зависимы и несамостоятельны европейские политики и политические элиты в целом говорит даже не заискивание перед США, которое становится хорошей манерой в Европе, ровно также, как хорошим тоном 5-7 лет назад считалось хамство в адрес *единственной сверхдержавы*. Об этом говорит то, что европейские элиты как огня боятся своих народов, своего общества. Именно поэтому путем махинаций и откровенного политического шулерства сделали все, чтобы исключить возможность референдумов по ратификации Лиссабонского соглашения. Европейским элитам не на кого опереться. И что характерно – если судить по формальным показателям (экономика, авторитет в мире и т.д.), за последние 5-6 лет влияние США должно было упасть, а влияние Европы – усилится. Однако на деле происходит прямо противоположный процесс: влияние США в Европе возросло на порядок, притом, что объективно, в других регионах и, в частности, - в России оно снизилось. Это означает, что влияние США в Европе базируется не на потенциале Америки, как страны, который, действительно, объективно сокращается, а на использовании в своих интересах тех процессов, которые протекают в самой Европе. А в Европе сейчас протекают только два геополитически значимых процесса: расширение НАТО и расширение ЕС. Так, что делайте выводы.

Вероятно лидерам в прошлом *великих европейских держав*, претендовавшим еще пол десятилетия назад на то, чтобы сместить США с престола единственной сверхдержавы придется и дальше поедать хот-доги и гамбургеры в семейном поместье очередного американского президента. Так, что современное состояние Европы есть стратегический упадок до поры до времени прикрываемый улыбками и заверениями в полном благополучии.

Точь-в-точь как Бухарестский саммит НАТО, который представили как грандиозный успех Альянса. И это – несмотря на то, что *встреча единомышленников* сопровождалась беспрецедентными внутренними дразгами и проходила в стране, раздираемой политическими противоречиями и коррупцией, с застойной экономикой, в грязном, полном нищими городе, где по улицам бегают бездомные собаки, которых в преддверии *торжества демократии* отлавливали согнанные со всей страны полицейские. А здравицы в честь НАТО провозглашаются в чудовищном по размерам и беспримерно безвкусном дворце, построенном экзальтированным диктатором, застреленным без суда и следствия при очень сомнительных обстоятельствах.

Кстати, чем не символ современной Европы?

США: ДВА МИРА, ДВЕ МОРАЛИ

Выборы в США важны для будущего системы международных отношений не потому, что США, нравится это кому-то или нет, остается единственной сверхдержавой, то есть единственным государством, способным проецировать силу и политическое влияние по всему миру. Выборы в США важны потому, что в них сфокусировались очень многие глобальные проблемы и глобальные дилеммы. И надо сказать, процесс номинации был крайне показателен с точки зрения тех программ, которые кандидаты предлагали американскому избирателю.

Начать с того, что две пары кандидатов – от Республиканской и Демократической партий, которые фигурировали на завершающем этапе *праймайриза* (Джон Маккейн и Майкл Хаккаби от республиканцев, Барак Обама и Хиллари Клинтон – от демократов), совершенно одинаковые. Один из *полуфиналистов* является, скорее, *внешнеполитическим* кандидатом в президенты, другой – *внутриполитическим*. Один акцентирует роль Америки в мире, другой – необходимость внутренних реформ. Иными словами, Маккейн и Клинтон сориентированы в основном на решение внешнеполитических проблем Америки, Хакаби и Обама скорее олицетворяют необходимость серьезной реконструкции американской экономики и социальной системы. То, что Майкл Хаккаби *выпал* из предвыборной гонки на сравнительно раннем этапе, говорит о том, что республиканская часть элиты – вернее, та ее часть, которая больше всех получила в годы правления Джорджа Буша – совершенно не заинтересована в каком-либо серьезном изменении внутриполитических приоритетов и реструктуризации американской экономики. Но это – достаточно прозрачный и понятный выбор, учитывая характер экономических интересов республиканской элиты. Но то, что у демократов развернется столь жесткая борьба между кандидатами, говорит о том, что в элите, связанной с Демократической партией, также сильны настроения в пользу того, чтобы отказаться от форсированного реформирования экономики Америки и заняться реструктуризацией внешнеполитических обязательств. И вот это, безусловно, новый фактор, который заставляет все более и более внимательно наблюдать за состоянием американской экономики.

То есть, если рассуждать логически, в американской элите превалируют все же те, кто считает, что ничего внутри Америки трогать не стоит, поскольку возможные последствия совершенно непредсказуемы, и что всю энергию и накопившееся внутреннее напряжение надо излить на окружающий мир. И это – несмотря на очевидный финансовый кризис, на нарастание неконкурентоспособности тех отраслей промышленности, где США всегда были безоговорочно сильны (авиа и автостроение). Это значит, что либо внутри США дела обстоят настолько плохо, что лучше даже не пытаться что-то исправлять, либо внешнеполитические проблемы дошли до той стадии, когда начинается реальная, а не мнимая утрата американского влияния в мире.

Пока, несмотря на все эти проблемы, несмотря на существенное падение авторитета США в мире, Вашингтону все равно удастся стабильно геополитически обыгрывать Европу, очень часто – Китай и периодически – Россию. Не исключено, что нынешний вынужденный расклад в США связан с тем, что принято стратегическое решение выходить из внутренних проблем или, по крайней мере, выиграть дополнительное время для подготовки санации внутренней американской экономики за счет серьезного внешнего кризиса. Эта модель американцами использовалась неоднократно и, как правило, с большим успехом.

И в таком формате шансы еще недавно считавшегося записным аутсайдером Джона Маккейна становятся весьма серьезными. Конечно, дело даже не в самом Маккейне, а в том, что его блестящие каждый по отдельности оппоненты из Демократической партии умудрились проиграть, казалось бы, выигранные выборы, погрязнув в междоусобице. В любом случае, вопрос о том, что следующим президентом США может стать ветеран вьетнамской войны сильно пенсионного возраста, уже не кажется абсолютной фантастикой. Говорят, что избрание Джона Маккейна президентом США будет катастрофой для российскоамериканских отношений. И отчасти это справедливо – президент Маккейн не будет рассуждать о стратегическом партнерстве и *близости душ*, а также заглядывать в глаза российским политикам. Но, может, это и неплохо?

Конечно, Джон Маккейн будет для России очень сложным партнером. Может быть, он вообще не будет партнером для России в том виде, как мы привыкли воспринимать американских президентов: добрый дядюшка, который периодически посещает дальних родственников, журит за *геополитическое хулиганство* и нарушения прав человека, обещает помочь с деньгами, чего, впрочем, никогда не делает. А затем – уезжает, давая дальним родственникам вздохнуть спокойно и заняться привычным делом построения российской государственности. Да, Джон Маккейн не таков – он верит в то, что говорит, и будет продолжать свой *крестовый поход* за те ценности и взгляды, которые он после падения с высоты нескольких километров во вьетнамские джунгли считает демократией, во что бы то ни стало. Но Джон Маккейн привнесет в российско-американские отношения один очень важный элемент, который отсутствовал в последние годы. Этот элемент – искренность и прозрачность отношений. Согласитесь, что самое очевидное определение, которое может быть дано российско-американским отношениям последнего времени, это – *мутные отношения*. Это отношения, в которых честная позиция (и это не всегда вина только Вашингтона) подменялась разного рода беспредметными расуждениями о «заглядывании в душу» и о том, что некоторые чиновники вашингтонской администрации без ума от Ф.М. Достоевского и П.И. Чайковского. Правда, фраза о *слезе ребенка* и закливания о любви к русской культуре совершенно не мешают им официально провозглашать концепции силового переустройства мира, создания силового потенциала для давления на нашу страну, не говоря уже о том, что любителями Ф.М. Достоевского стремление управлять российской внутренней политикой рассматривается как нечто само собой разумеющееся

ПРО: ПРИМИРЕНИЕ НА ФОНЕ ПАТА

Ситуация вокруг размещения систем американской противоракетной обороны в Европе оборвалась как-то недосказанно. Встреча в Сочи, конечно, была, с одной стороны, неожиданной, но с другой – вполне предсказуемой: и Россия, и США прекрасно осознавали, что дискуссия вокруг ПРО зашла в тупик, отсутствие выхода из которого грозит непредсказуемыми осложнениями. И США оказались в результате в положении, которое никак не назовешь выигранным: накануне выборов, где шансы республиканского кандидата оказались неожиданно высоки, продолжать идти напролом в вопросе, который не имеет однозначной поддержки не только среди традиционных союзников, но и в американском истеблишменте, было бы крайне опасным. Тем более, что теперь уже очевидно, что за частоклолом сообщений в СМИ об успешном испытании американских противоракет скрывается неготовность американцев по экономическим и технологическим причинам начать разворачивать полноценную систему ПРО в Европе. На данном этапе для них самое важное – политически застолбить возможность это сделать и фор мат (юридические и технические рамки) своего нового геополитического проекта. Тем более, что своих политических целей – углубление раскола в Европе и формирование важнейшего военного компонента управления, который не контролируется европейцами ни на уровне ЕС, ни на уровне отдельных стран (вот почему радар и система слежения куда важнее самих противоракет) США уже добились. И теперь свою позицию можно куда более выгодно и с помпой *продать* России как великую уступку.

И теперь, когда вроде бы достигнут некий компромисс, который позволяет России принимать участие в процессе на сравнительно достойных условиях, вместо обещанной некоторыми ретивыми сторонниками умиротворения Вашингтона изоляции, вероятно, стоит задуматься, что мы могли бы сделать, чтобы следующий раунд *торговли* с США по вопросу размещения ПРО в Европе (а то, что он будет, очевидно всем, вопрос только ко, когда) прошел бы для нашей страны еще более продуктивно. А для этого надо понять главный урок из нынешнего раунда.

Если отбросить риторику и взаимные обвинения, то главный урок, который дает нам ситуация с дискуссией даже не о судьбе третьего позиционного района ПРО (в который раз заметим на полях – не противоракетной обороны Европы, а элементов противоракетной обороны США в Европе, размещенных на территории стран-сателлитов США), можно свести к следующему: с одной стороны, с США диалог в жестких тонах вести можно и нужно, причем добиваясь существенного эффекта, но, с другой стороны, реального результата – именно результата, а не эффекта – можно добиться, только имея за спиной реальный военный потенциал. Нельзя надеяться обыграть американцев, играя в виртуальную политику. Они в этом – непревзойденные мастера, по сравнению с которыми все хваленые российские политехнологи и пиарщики – участники кружка «Умелые руки» при доме пионеров районного центра. У нас по многим причинам никогда не получится обыграть США в виртуальную политику. Никогда. Это надо понять, признать и больше не возвращаться к этой теме. Мы сможем надеяться на позитивный результат только там и тогда, когда помимо виртуальных комбинаций, поставим на шахматную доску нечто реальное, нечто осязаемое, нечто, что поменяет правила игры.

Ведь, в конечном счете, кто больше всего выиграл от российской позиции по поводу американской ПРО в Европе? Польша, которая смогла выдавить из США все возможные уступки и бонусы, прикрываясь российской риторикой. А вот если бы за спиной российских переговорщиков стояли не политические предложения и пропагандистские конструкции, а хотя бы небольшая группировка ракет средней и меньшей дальности, то и Россия получила бы реальный результат от этой *торговли*.

А пока придется довольствоваться лишь статусом государства, с которым США вынуждены считаться. Тоже неплохо.

ПОЛЕ БИТВЫ – АРКТИКА

Появление исторического доклада Еврокомиссии, авторство которого приписывается Хавьеру Солане, по вопросам арктической политики ЕС воистину является историческим событием. И дело даже не в том, что впервые признается, что центральная цель этого объединения – не развитие экономики и не укрепление демократии, а простая и достаточно грубая борьба за ресурсы. Хотя и это замечательное признание заставляет по-иному взглянуть на многие действия ЕС, в том числе и в отношении России. В частности, стремление во что бы то ни стало разрушить *Газпром*. Замечательно в докладе признание того, что по ряду позиций, причем по самым принципиальным, таким как будущий режим недропользования в наиболее стратегически важном регионе мира, интересы России и ЕС не просто различны, они антагонистичны. Причем антагонистичны до такой степени, что это может привести к силовому столкновению. Понятно, что ЕС, не имеющий собственного военного потенциала, будет вынужден в таком случае опираться на возможности НАТО, прежде всего – США, которые осуществляют постоянное военное присутствие в арктической зоне.

Что важно в разворачивающейся ситуации вокруг арктической зоны? Во-первых, происходит расширение зоны ресурсного противоборства и включение в него новых регионов, которые ранее счастливо находились вне межгосударственного противоборства. А ведь еще недавно с высоких трибун заявлялось об Арктике как о зоне, которая должна быть подвергнута консервации, что использование ресурсов арктических территорий

– преступление перед человечеством и коренными народами и что промышленные *заделы*, созданные там в результате сталинской индустриализации, необходимо демонтировать, а людей из Арктики вывозить. Это был именно тот рецепт, который России прописывали

еще десять лет назад разного рода *специалисты*. Во-вторых, впервые продекларировано, что для введения данных ресурсов в активный экономический оборот в интересах очень конкретных межгосударственных объединений, может понадобиться военная сила. Кто бы сомневался, но, подчеркнем еще раз, важно то, что эта позиция сформулирована нашими западными партнерами открыто и в статусном внешне политическом документе. А то, что именно Россия является главным объектом приложения военной силы в борьбе за ресурсы, – это как раз новым не является. Уже давно всем вменяемым политикам было понятно, что *приращивать* ресурсы ЕС и США смогут только за счет России, освобождая ее от *проклятия Сибири*, и только глухой не слышал этих разговоров в коридорах американской и европейской власти. В России глухих было на удивление много.

А это в свою очередь требует от России существенной переоценки своих взглядов на освоение ресурсов российской части Арктики. Это хорошо, что на хребте Ломоносова установлен российский флаг. Однако территория этой богатой природными ресурсами части Арктики тогда и только тогда станет подлинно российской, когда будут выполнены три условия:

Во-первых, территория арктической зоны России должна быть экономически осваиваема при учете всех экологических и исторических особенностей. В Арктике действует принцип «не осваиваешь – теряешь», а Россия за последние двадцать лет почти ничего не делала для освоения арктических территорий.

Во-вторых, территория арктической зоны России должна быть хорошо прикрыта силовыми инструментами, особенно с учетом настроений наших европейских партнеров. У них не должно возникнуть никаких иллюзий относительно возможности *проверить на прочность* Россию по вопросу об Арктике.

В-третьих, на территории арктической зоны России должны жить люди. Необитаемые территории очень быстро становятся *ничьими*, то есть объектом интереса других государств.

Вроде бы не такие уж страшные условия, однако, если разобраться, они потребуют принципиально иного подхода к данным территориям, а главное – отказа от тех стереотипов, которые господствовали в головах российских политиков на протяжении последних двадцати лет. И возможно ли полноценное возвращение России в Арктику в рамках существующей экономической парадигмы – большой вопрос.

АФРИКА: ЗАБЫТАЯ ТРАГЕДИЯ

Еще десять лет назад про Африку не говорил только ленивый. За борьбу с бедностью в Африке получали аплодисменты на международных форумах и Нобелевские премии, Африке обещали помощь, говорили о необходимости реального сокращения социального разрыва между богатым *Севером* и *Югом*, о необходимости догоняющего развития, об индустриализации Африки, о внедрении демократических основ в политическую жизнь африканцев. Все восхищались Нельсоном Манделой и африканским искусством. Разговор шел о необходимости подтягивать страны Африки к общемировым социально экономическим стандартам. Сейчас ничего похожего нет и в помине. Африка забыта, но не в том плане, что ее не показывают в телевизоре. Как раз наоборот – события в африканских странах постоянно присутствуют в новостях, причем преимущественно в формате *вестей с фронтов*. Только за последний квартал сообщения о внутренних конфликтах пришли из Кении и Зимбабве, и это не считая уже ставшей традиционной *дарфурской мясорубки*, противоборства в Сомали, ситуации в Конго, борьбы за *кровавые*

алмазы в Анголе и прочих более мелких неприятностей вроде регулярных взрывов нефтепроводов, захвата пиратами французской круизной яхты, ставшего обычным делом взятия в заложники в Нигерии иностранных специалистов. В Африке, если не считать ее средиземноморскую часть и облюбованный российскими олигархами остров Маврикий, уже почти не осталось относительно спокойных регионов и уж точно нет регионов, социальное и экономическое развитие которых можно назвать *динамичным*.

Африка забыта в том плане, что *прогрессивное человечество*, возмущаясь очередной кровавой бойней в какой-либо еще недавно весьма спокойной стране, якобы борясь против *кровавых алмазов*, количество которых на мировом рынке почему-то только увеличивается, и даже периодически посылая в зоны конфликтов гуманитарную помощь, совершенно не задумывается о том, чтобы попытаться заняться фундаментальными проблемами, которые за последние 20–25 лет практически исключили Африку из зоны нормального экономического и политического развития.

Задумаемся, после распада СССР ситуация в Африке, во всяком случае, в большей ее части, *по тренду* только ухудшалась, несмотря на то, что вроде бы должна была наступить эра демократии и всеобщего благоденствия. Практически ни в одной стране Африки не было осуществлено серьезных программ экономической и социальной модернизации. Ни в одной стране Африки не было создано даже подобия нормальной системы энергетики. Медицина держится в основном на усилиях международных организаций и добровольцах. А главное – признаков даже плавного улучшения ситуации не заметно. Напротив, зона цивилизационного бедствия, распада устойчивых социальных систем, военного хаоса пожирает одну страну за другой. И это несмотря на то, что разговоры о демократизации Африки не утихают, а иногда переходят в практическую плоскость, эксплуатация природных ресурсов *черного континента* даже усилилась, а цены на природные ресурсы поднялись.

Но ведь если разобраться, то нынешняя ситуация в Африке свидетельствует о стратегическом поражении *Севера*, который оказался совершенно неспособен интегрировать Африку, за очень редким исключением, в систему цивилизованных экономических, а значит, и цивилизованных политических отношений. А это, в свою очередь, означает наступление скорее рано, нежели поздно того самого стратегического конфликта между *Севером* и *Югом*, о котором много говорили политики и политологи. И этот конфликт будет развиваться не где-то далеко в саваннах Африки, как некоторые думают, а в трущобах крупных европейских, а в перспективе, не исключено, и российских городов.

Кто сомневается, пусть спросит парижан и брюссельцев.

ТИБЕТСКИЙ ПОДАРОК ПОДНЕБЕСНОЙ

События в Тибете, казалось бы, относятся больше к политическим и национальным проблемам, нежели к вопросам, определяющим международные отношения и международную безопасность. Если выстроить в единую цепочку события последних полутора лет, то становится очевидным, насколько последовательно, жестко и продуманно США наращивают свое давление на Китай. И дело тут не только в стремлении Вашингтона испортить настроение Политбюро ЦК КПК накануне пекинской Олимпиады, хотя такое стремление уже очевидно просматривается. Задача Вашингтона в том, чтобы обставить Китай флажками, за которые китайское руководство, провозгласившее своей целью превращение КНР во вторую сверхдержаву, выйти просто не сможет. Напомним вкратце эту линейку событий.

Началось все со скандала о качестве игрушек, которые Китай поставляет в США. Вроде бы мелочь, однако, с учетом впечатляющих объемов таких поставок, эта мелочь грозила нашим пекинским партнерам серьезными экономическими проблемами. Вашингтон весьма мягко и почти деликатно продемонстрировал китайскому руководству всю степень зависимости китайской экономики от американского рынка. Кстати, по утверждению многих экспертов, в частности гонконгских, которых трудно заподозрить в неинформированности, именно ситуация с экспортом игрушек в США сорвала планы Ху Цзиньтао окончательно разгромить консерваторов в Политбюро ЦК КПК.

Ограничение возможностей иностранным государственным инвестиционным фондам покупать инфраструктурные активы в американской экономике. Казалось бы, решение, которое напрямую Китай не затрагивает, однако инвестирование гигантских золотовалютных, в основном долларовых резервов в американскую экономику, видимо, и было планом *большой игры* Политбюро ЦК КПК с США. Теперь китайские активы *провисают* и постоянно сокращаются по мере падения курса доллара.

Почти откровенное стимулирование настроений в тайваньской элите в пользу провозглашения независимости, которое не прервало даже возвращение Гоминьдана к власти на Тайване. Вроде бы событие из области внешнеполитического *пиара*, но оно ставит Пекин перед дилеммой: решиться на операцию по возвращению Тайваня под свой контроль, причем с неясными военными перспективами и возможностью перерастания в конфронтацию с США, либо *потерять лицо* в случае провозглашения независимости.

Наконец, случился кризис в Тибете и в некоторых других районах, населенных национальными меньшинствами. И сразу же началась массированная кампания информационного и политического давления на Китай с угрозами бойкота Олимпийских игр в Пекине. Причем кампания носила явно заблаговременно подготовленный и скоординированный характер, но что интересно – США в этой ситуации выступали как защитник Пекина и противник крайностей.

Ведь что, собственно, показали события в Тибете? Что международное сообщество не готово идти на конфликт с Пекином из-за прав человека? Это было ясно давно. А жаль, кстати, ибо неспособность мирового сообщества указать китайским товарищам на некие рамки, в которых член международного сообщества должен действовать, по рождает в них опасное ощущение вседозволенности и по более важным, нежели права человека, темам. Что Далай Лама – не такой уж великий международный авторитет? Об этом тоже многие догадывались. Главное, что мятеж в Тибете проявил, – что КНР, несмотря на серьезный экономический рост и строительство мегагородов типа Пекина, Шанхая и Гуанчжоу, еще очень уязвима с точки зрения внутренней стабильности. А главное – что при желании дестабилизировать ситуацию в важных для благополучия Поднебесной районах весьма просто. Ведь очевидно, что мартовский мятеж в Лхасе был в основном стихийным. Если внешнее стимулирование и финансирование и имели место, то в очень ограниченных масштабах. А представьте, если бы лхасских погромщиков снабдили бы и деньгами, и оружием? Ситуация для пекинского коммунистического руководства была бы совсем иной и с точки зрения внешнего имиджа, поскольку для подавления мятежа пришлось бы привлекать армию с понятными последствиями, и особенно с точки зрения внутривнутриполитических последствий. Ведь нынешнее руководство КНР в целом либеральное и проамериканское. Ху Цзиньтао *поставил* свое политическое будущее на экономический рост, который накрепко завязан на способность китайской экономики расширять свое присутствие на американском рынке. И Олимпийские игры для Китая – это не просто еще один имиджевый проект, это своего рода инструмент фиксации нового геополитического статуса Поднебесной. Провал Олимпийских игр, да и просто *неубедительный успех* будет

катастрофой для *товарища Ху*, вождя *либеральной партии* в КПК, который и так пострадал в ситуации с плюшевыми мишками. Так что он многим пожертвует, лишь бы американцы не дестабилизировали ситуацию дальше.

Американцы продемонстрировали и Пекину, и всему миру, как изящно и внешне неконфронтационно можно обложить флажками *китайского тигра*, который, конечно, не бумажный, но слишком рано стал подавать голос в претензиях на геополитический статус.

А обложив *тигра* флажками, можно управлять *расширением* влияния Китая в регионе, делая его безопасным для себя и опасным для конкурентов.

И все бы ничего с точки зрения интересов России, вот только надо помнить, что если у Китая не получится расширяться, образно говоря, на юг и восток, то наши китайские партнеры неизбежно обратят свои взоры на север, где обнаружат полупустынные территории, деградирующую военную и гражданскую инфраструктуру, пьянство, коррупцию и вульгарное воровство. То есть российский Дальний Восток.

РОССИЙСКИЕ ВЫБОРЫ И ЛИБЕРАЛЬНЫЕ НАДЕЖДЫ

Много в последнее время было написано и в России, и за рубежом по поводу смены власти в России. Написано разного – и достаточно остроумных наблюдений, и стандартного набора тезисов и домыслов, отражающих непонимание авторами основных движений российской политики. Однако общее ощущение сводится к следующему: не смотря на всяческие уверения властей в неизменности внутри и внешнеполитического курса, перемены неизбежны, и они будут развиваться в направлении некоторой либерализации экономической и общественной жизни. То есть и элита, и общество ожидают некой новой *оттепели* и отката влияния *силовики*, которые – и это, видимо, также является общественным консенсусом – переборщили с борьбой за рычаги влияния на экономику.

Но параллельно с российской элитой, очевидно, есть и симптоматичные ожидания смены курса и со стороны зарубежных элит, которые уже устали от напористости российской стороны, ставшей особенно очевидной в последнее время. В этих надеждах есть много наивного, есть много реалистичного. Очевидно, что американцы и, в меньшей степени, западные европейцы вполне отчетливо представляют себе и настроения российских элит, и расклад сил в руководстве страны, и характер внутривластной дискуссии. Вопрос в том, что надежды эти строятся на оценке персоналий и недооценке тенденций. Это понятно – американцы строят свои подходы на основе того опыта, который они наработали в период Б.Н. Ельцина, с которым можно было *договориться* практически о чем угодно, и на истории В.В. Путина, который смог сломать ельцинскую систему власти. Однако, ориентируясь на персоналии, многие и в России, и на Западе не видят, что в деятельности и судьбе персоналий, как в капле воды, отразились все основные тенденции российской политики.

Если огрублять, то можно сформулировать следующую мысль: в России верховная власть всегда и везде есть инструмент истории. И либо она, эта власть, соответствует текущему историческому моменту и требованиям общества, либо она в той или иной форме будет вынуждена сойти с политической арены. Как ушел Б.Н. Ельцин, не досидевший до конца своего срока, и как остался В.В. Путин. И цена нынешним прогнозам и рассуждениям о сущности современной российской власти и ее будущем внешнеполитическом курсе крайне проста: не так много времени понадобится для того, чтобы понять предельно четко, насколько политический курс *неолиберального застоя*, очевидно проглядывающий

из дипломатичных заявлений нового президента, соответствует на строениям общества. И если нет, то нас ждет много захватывающих моментов в российской политике, а как следствие – и в мировой. Но особенность сегодняшней российской внутривнутриполитической ситуации даже не в этом. Практически любое крупное внутри политическое или внутриэкономическое действие новой российской власти почти инвариантно, а главное – имеет четко выраженный даже не внешнеполитический аспект, а внешнеполитический результат.

Какие ключевые вопросы стоят перед новой российской властью?

Первое. Остановить становящуюся прямой угрозой национальной безопасности страны промышленную и в особенности технологическую деградацию. Однако любое движение по этому пути, даже сделанное в рамках либеральной парадигмы (хотя эффективность этой парадигмы для решения данной задачи сомнительна), приведет к значительному перераспределению ресурсов. А как следствие – и приоритетов внешней политики. В частности, окончательно уйдет в историю концепция энергетической сверх державы, а главное – безусловный приоритет отношений с Европой, поскольку она должна будет перестать быть ключевым рынком для России.

Второе. Обеспечить включение в разумный экономический оборот новых ресурсных регионов, прежде всего арктической зоны. Ибо при сегодняшней ресурсной базе сохранение влияния на рынке углеводородов, даже при условии блокирования всех *обходных* проектов трубопроводов (что является слабо достижимой целью), невозможно. И это также будет предполагать почти заданную последовательность внешнеполитических действий, в которых важным элементом будет укрепление не только экономического, но и военно-политического присутствия на российских арктических территориях.

Третье. Остановить обвальное ухудшение среды обитания и экологических стандартов существования населения, что в ряде регионов становится одной из ключевых социальных проблем. Речь, конечно, не идет о том, чтобы воплощать на практике все идеи, заложенные в концепции *устойчивого развития*, однако российской власти придется в той или иной мере корректировать свое отношение к мировым экономическим процессам и задуматься о том, стоит ли любой ценой стремиться к возвращению России на место, которое занимал Советский Союз в мировом промышленном разделении труда.

Четвертое. Развивать малый и средний бизнес. И даже этот безвредный с виду во внешнеполитическом плане приоритет приведет к тому, что внешнеполитические приоритеты придется менять. Ибо от реализации во внешней политике интересов промышленных гигантов придется постепенно переходить к учету интересов малых и сред них компаний, особенно реализующих инновационные программы и проекты. Что не так-то просто и потребует инноваций, фактически – революции в системе государственного управления. Но главное – подразумевает совершенно другие рынки сбыта, нежели сейчас.

Все эти четыре задачи в разной степени, но одинаково убедительно требуют от власти вполне конкретных внешнеполитических действий. И эта власть, если она, конечно, пришла всерьез и надолго, в той или иной степени должна будет эти действия осуществить. Ибо таково требование истории. Или ее не спасут никакой высокий рейтинг и никакие административные меры.

Однако за рассуждениями о грядущей внешнеполитической сущности новой российской власти зарубежные, да и российские политологи и аналитики как-то проглядели одно важное изменение в российской внешней политике. Случилось не слишком внешне кардинальное событие: сразу же после визита М.Н. Саакашвили в Россию, после которого все стали говорить о потеплении в двусторонних отношениях, а грузинский лидер поспешил заявить о том, что под его руководством маленькая, но гордая Грузия выстояла в противостоянии с имперской Россией. Однако сразу же за улыбками и примирительными заявлениями Москва неожиданно сняла санкции с Абхазии и начала восстанавливать транспортное сообщение с непризнанной пока автономией. По сути, произошла революция в российской внешней политике, если, конечно, этот эпизод не явился случайностью. Впервые за последние пятнадцать, если не двадцать лет Москва поступила по принципу *говори мягко, поступай жестко*. Раньше все было с точностью до наоборот: Москва была легка на подъем, когда дело касалось политических заявлений и деклараций, однако как только надо было переходить к практическим действиям, пыл российских властей быстро иссякал. Продолжавшаяся больше полутора десятилетий *вербальная державность* нанесла почти непоправимый ущерб имиджу страны и привела к тому, что даже самые обоснованные и жесткие заявления России на Западе (да и на Востоке) перестали воспринимать всерьез. Так что это будет даже неплохо, если масштабы риторики с российской стороны станут более скромными.

И вот этот первый признак наступления эпохи *молчаливой* внешней политики внушает большой оптимизм, ибо говорит о том, что власть при всех издержках понимает потребности страны и общества и учитывает их. Ибо мощь *великой державы* проявляется, в первую очередь, в праве молчать о своих планах и действиях.

Как говорил блестяще исполнивший роль «папаши Мюллера» в бессмертном фильме «17 мгновений весны» Леонид Броневой, «Если друг молчун – так это друг, а если враг – так это враг».

Дмитрий Евстафьев